

Чжоу Юй, ты что, в общежитии отдыхал, а похудел, как мне кажется? — после душа Чжан Цзюнь внимательно взгляделся в мое лицо.

Мелкий, лучше уж корм, который ты ешь, отдавать собаке — всё равно в тебя не идет! — слова Цзян Сяо стали для меня, и без того терзавшегося душевной болью, сущим ударом под дых. К счастью, он ограничился лишь этой фразой и тут же рухнул на кровать спать.

Мои страдания были порождены военной подготовкой: пока она продолжалась, не прекращались и мои муки. Хотя остальные однокурсники завидовали тому, что я так быстро вырвался из этого ада, сам я, кажется, не умел ценить своего счастья. Если вдуматься, это в точности как в романе Осажденная крепость: те, кто внутри, хотят выбраться, а те, кто снаружи, стремятся войти. Участники военной подготовки мечтали сбежать от неё, а я, лишенный права участвовать, мучился именно из-за этого.

Разве не так? После нескольких дней под палящим солнцем и ветром лицо Чжан Цзюня, и без того смуглое, почернело еще сильнее, почти сравнявшись с прославленным в истории честным чиновником Бао Хэйцзы. Каждый раз, возвращаясь, он не успевал сказать и трех слов, как обессиленно лез на кровать, порой тихонько вздыхая.

У Чэнь Шицзюня, жившего на нижней койке по соседству, дела обстояли не намного лучше. Во-первых, его светлое лицо заметно потемнело. Во-вторых, он перестал сушить волосы феном после душа. В-третьих, он больше не ходил по комнате, гордо задрав подбородок и ступая изящной походкой. В-четвертых, он теперь сразу ложился спать, перестав любоваться собой в зеркало или листать глянцевые журналы.

Цзян Сяо, пожалуй, сохранял лучший боевой дух в нашей комнате. Каждый раз, возвращаясь, он не забывал использовать меня как объект для насмешек и носился по общежитию туда-сюда. Но все эти дни у него не было возможности сходить развлечься с приятелями, и ему приходилось постоянно оставаться в этом месте, которое он называл не предназначенным для жизни людей, мыться и спать здесь. К тому же каждый вечер перед сном он беспричинно грызлся. Одним словом, он был крайне недоволен и стеснен.

Однако беды всегда временны, и цветы счастья наконец расцвели на пятнадцатый день военной подготовки. На территории кампуса повсюду чувствовались облегчение и радость от того, что тяжелое бремя сброшено. Не знаю, организовало ли это руководство университета или студенты проявили инициативу, но весь наш курс 01-го года обучения решил провести вечеринку, разделившись на группы по классам. Местом проведения выбрали ту самую площадь, где проходила подготовка.

В нашем 0107-м классе было сорок восемь студентов, а вместе с куратором Чэнь и инструктором Ма — ровно пятьдесят человек. Мы все уселись на землю в круг, а в центре, на возвышении, мерцали тусклые красные лампочки. Оглядевшись, я увидел, что вся площадь увешана такими же огоньками. Я наконец понял, что это была имитация костра: жечь настоящий огонь запрещалось, поэтому его заменяли красным светом.

В столь масштабной вечеринке под открытым небом я участвовал впервые. Должно быть, я должен был радоваться: вокруг было полно угощений, напитков и развлечений. Однако для меня этот праздник в честь окончания военной подготовки стал жестокой иронией. Из сорока восьми человек в классе только я оказался дезертиром. Хотя та девчонка действительно упала в обморок раньше меня, поговаривали, что тем же днем она вернулась в строй и прошла подготовку до конца. Поэтому, глядя на фрукты и напитки, я не испытывал ни малейшего желания притронуться к ним, а глядя на яркие выступления однокурсников, не чувствовал ни крупицы интереса. Дослушав до конца знаменитую Песню 1234, которую пел инструктор Ма и которую я сам очень любил, я увидел, как под восторженные крики толпы в центр круга вытолкнули Цзян Сяо. Но я не выдержал. Молча, никем не замеченный, я покинул круг, ушел с площади и медленно поплелся в общежитие. Я не обернулся. Ни разу.

Ночью, не знаю сколько было времени, вернулись Чжан Цзюнь и остальные. В полузабытьи мне показалось, что Чжан Цзюнь позвал меня, но я не помнил, ответил ли ему.

На следующее утро, когда я проснулся, Чжан Цзюнь еще храпел, Чэнь Шицзюнь тоже крепко спал, и только Цзян Сяо не было. Его одеяло на кровати было аккуратно сложено. Неужели он не ночевал дома? У меня не было сил об этом думать.

Я умылся, но ребята еще не проснулись. Неужели сегодня в университете нет никаких мероприятий? Должно быть, нам уже выдали новые учебники и начались занятия? Больше всего на свете я ждал начала учебы. В этом новом, совершенно чужом месте книги были единственным, что казалось мне знакомым.

Подождав еще немного, я наконец не выдержал и потряс Чжан Цзюня:

— Сегодня что, нет занятий?

Чжан Цзюнь сонно продрал глаза, долго соображал, о чем я говорю, но сразу же удивился и рассмеялся:

— Ты что, с ума сошел? Сегодня же суббота! Какие могут быть занятия!

О боже! Я был настолько отрешен от мира, что даже забыл, что наступили выходные!

Я знал, что в университете бывают выходные, не то что в старшей школе, где отдыхали всего день в месяц. Подавленный, я поел, бесцельно побродил по кампусу, не зная, чем себя занять, и вернулся в общежитие. Чэнь Шицзюнь умывался, а Чжан Цзюнь все еще спал.

Чэнь Шицзюнь ушел, едва закончив умываться. Я постоял, потом посидел, в душе все было в смятении, становилось все тяжелее.

— Чжан Цзюнь, вставай... — я буквально взмолился.

— М-м, который час? — Чжан Цзюнь приподнял голову, казалось, он еще не выспался.

Я протянул руку, взял маленькие часы с прикроватной тумбочки:

— Почти десять.

— А, ну тогда встаю. — Чжан Цзюнь наконец сел и начал одеваться.

— Ты завтракал?

— Да.

— Что с тобой? — Чжан Цзюнь слез с кровати и пристально всмотрелся в мое лицо. — Ты плакал?

— Нет...

Разве я плакал? Я провел рукой по глазам. Откуда вода? Неужели слезы?

— Чжоу Юй, ты еще слишком мал. Когда я был в твоём возрасте... — он усмехнулся. — Я даже девятый класс не закончил! — он умылся, снова посмотрел на меня и улыбнулся: — Не веришь? Мне вот-вот исполнится двадцать.

На самом деле, у меня не было сомнений, что Чжан Цзюнь старше меня — с начальной школы и до самого выпуска все мои одноклассники всегда были старше. Просто я не думал, что Чжан Цзюнь старше меня на целых четыре с лишним года.

— Пойдем со мной вниз, поешь, а после я схожу на рынок, куплю кое-чего, ты тоже прогуляешься. Нечего вечно киснуть в комнате.

Изначально я не хотел идти, потому что уже поел и не был голоден, да и покупать ничего не собирался. Но стоило мне подумать о том, что, как только Чжан Цзюнь уйдет, я останусь один, а Чэнь Шицзюнь до сих пор не вернулся — наверняка тоже ушел к кому-то, — да и если бы он был здесь, нам все равно было бы не о чем говорить...

— Идем! — Чжан Цзюнь схватил меня за руку, и я вышел вслед за ним.

<http://bllate.org/book/21943/2279739>